

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДБЫ СЛАВЯНСТВА В ИДЕЙНОМ МИРЕ РОМАНА Ф. БУЛГАРИНА «МАЗЕПА»

Роман Ф. Булгарина «Мазепа» (1834) традиционно воспринимается литературоведами и читательской аудиторией как более или менее успешная реализация авторского замысла, сформулированного в предисловии к произведению: «В романе я предпринял представить очерки характера Мазепы, так как я понял его по истории и по преданиям» [2]. Однако прочтение и анализ романа в широком общественно-историческом контексте дают основание утверждать – идейный мир книги значительно глубже, сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Цель настоящей статьи – воссоздать своеобразие авторской трактовки проблемы исторических судеб славянства в одном из самых неоднозначно оценённых современниками произведений известного романиста, «бранимого многими, но читаемого всеми» [5].

В уже упомянутом нами предисловии к «Мазепе» писатель заявляет – помимо «пояснения характера исторического лица, освещения тайников сердца человеческого <...> роман должен служить автору средством к развитию какой-либо философической идеи» [2]. Эта философическая идея у Ф. Булгарина трансформировалась в идею политическую, предельно актуальную после подавления восстания в Варшаве 1831 года, в разгар русско-польского политического противостояния, на фоне растущей популярности идей всеславянского единства. Её блестящую характеристику дал А. С. Пушкин в стихотворении «Клеветникам России»:

«...Это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
<...> Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос...» [6, с. 306].

Ф. В. Булгарин, поляк, шляхтич по происхождению, пытается ответить на поставленный великим поэтом вопрос, для него «сия семейная вражда» имеет не только «русскую» и «польскую», но ещё и чётко выраженную «украинскую» составляющую. Об этом свидетельствует его роман, посвящённый одной из самых драматических и, одновременно, поучительных страниц русско-украино-польских отношений, где автор пытается рассмотреть судьбы славянства в историческом ракурсе.

Как известно, в 30-е годы XIX века основой художественного воссоздания прошлого стала репрезентационная модель «история как тенденция». Современный российский исследователь А. Ю. Сорочан констатирует: «...В прозе поиск в истории подтверждений той или иной "тенденции" очевиден <...> Авторы стремятся обосновать избранную "тенденцию" на конкретном материале – на сюжетах из различных времён. Уже первые опыты авторов XIX века в исторической прозе и драматургии продемонстрировали притягательность "национальной" тенденции, основанной на признании неизменных свойств всякой нации. <...> Читателям предлагается рассмотреть преемственность эпох и поколений, увидеть все достоинства народного духа, выразившиеся в годы войн и кризисов. Основой цельного понимания истории становится национальное единство, выражающееся в неизменности национальных характеров, не зависящих от внешних обстоятельств» [7, с.8]. Пытаясь примирить русского царя с восставшими и подавленными поляками, Ф. Булгарин, проповедует идею общеславянского единения под скипетром русского самодержца и использует именно такой, национально-тенденциозный подход.

Нельзя не согласиться с Н. Н. Акимовой [1] в том, что историческое повествование Ф. В. Булгарина авантюрно по природе своей, ориентировано на занимательность, наполнено шаблонными романтическими приёмами, рассчитанными на массового читателя (любовные интриги, готические замки, заговоры и отравления, пророческие сны, роковые тайны, утраченные и чудесным образом обретенные дети и т.д.). Вместе с тем, занимательность, как свидетельствует предисловие, была далеко не главной целью автора, воссоздавая сложный характер исторического героя – Мазепы, он довольно подробно и максимально точно реконструировал политические, национальные реалии той эпохи. Именно такое двуединство и позволяет нам судить об авторском видении исторического прошлого и будущих перспектив славянского мира.

Действие романа происходит в начале XVIII века, накануне вторжения шведов в южные пределы Российской империи. Это время, когда «Пётр Великий созидал среди пожара и разрушений», «Малороссия и Украина, напитанные буйством прежних своих владетелей, ещё не срослись с Россией», а общая расстановка сил в Европе определялась «враждою четырёх государей». Это шведский король Карл XII, считавшийся в Европе непобедимым, и российский царь Пётр I, успех борьбы которого на Севере «был тогда весьма сомнителен, а явное желание всех соседей России унижить, ослабить её и не впустить в семью европейских держав» очевидно [2]. В эту грандиозную схватку двух гигантов вовлечена слабеющая Речь Посполитая, находящаяся в ситуации двоевластия. Король Август II, союзник Петра, пытается одолеть «нового короля» Станислава Лещинского, посаженного на престол Карлом. В сложившейся ситуации украинский гетман Мазепа «верит в возможность отложиться от России и сделаться независимым владельцем, под

покровительством Польши, Швеции и Турции» <...> и «продлить, с помощью племянника Войнаровского, свой род на сооружённом престоле...» [2, с. 57, 4].

В финале романа показан военный и политический крах шведов и поляков, смерть изменника Мазепы в изгнании, однако задолго до заключительных страниц Ф. В. Булгарин подводит читателей к выводу об исторической предопределённости, неизбежности победы Петра Великого и России в кровопролитном противостоянии с многочисленными врагами. Попытаемся показать ход авторской мысли. При этом напомним, что большая часть интерпретаторов произведения, относила Петра к числу второстепенных героев, отдавая первенство гетману Мазепе, именем которого и назван роман. Это действительно так, но при этом остался незамеченным важный поэтикальный факт, на который указывает Е. В. Жаринов – «фигура Петра, по замыслу автора, связывает собой все сюжетные нити романа» [3], который построен по принципу противопоставления всех главных действующих лиц истории.

Перед нами ряд оппозиций – «Пётр I – Карл XII», «Пётр I – Мазепа», «Русский царь Пётр I – польские короли», в которых историческая миссия русского самодержца, вождя великой державы определена совершенно однозначно. Симптоматично, что одну из наиболее ярких его характеристик даёт старик-подмастерье, работающий на петербургских верфях. Автор, таким образом, передаёт читателям «глас народа», используя явно восходящие к фольклорной традиции оценки: «Уж этакого царя не бывало, да и не будет, не только на Руси, да и на целом белом свете. Ростом великан, силой богатырь, лицом красавец, а умом так всех и бояр, и князей, и владык за пояс заткнёт. <...> Уж я отжил свой век, а об таком царе и в сказках не слыхивал! Бывало, наши цари сидели себе, сердечные, в тёплых хоробах, молились Богу да кушали хлеб-соль, на здоровье с князьями да боярами, которые судили и рядили в народе, как сами хотели. А ныне так не только что везде царское око и царское ухо, да и рука-то его повсюду с мечом, с топором и с молотком. В суде он первый судья, на войне первый воин, во всяком ремесле первый мастер...» [2, с. 77]. Этот народный взгляд сменяет авторская характеристика, научно-аналитическая по своему содержанию. Ф. В. Булгарин отмечает заслуги Петра в деле преодоления варварства и распространения просвещения, он пишет о сильной оппозиции среди бояр, духовенства и дворянства, погрязших в злоупотреблениях и лени: «Петру невозможно было починивать и перестраивать. Ему надлежало сломать, разрушить до основания ветхое государственное здание, погresti под развалинами оною старинные предрассудки и из обломков создать новое, по европейскому образцу. Так он и сделал, преодолев препятствия и понеся труды, которые показались бы баснословными, ежели бы не были так близки к нам...» [2, с. 77].

На фоне представлений о мужающей России и образа её царя-реформатора складывается образ Польши, страны, стремительно клонящейся к упадку, причём причины заката былого величия названы в романе

исчерпывающе точно. Избираемые короли, лишённые реальной власти, лишь раздающие чины, места и имущества, магнаты, богатые властители земель, игнорирующие законы и судебные приговоры, закабалённый народ и разорённая, но напыщенная и гордая мелкая шляхта. Буйные пиры, сеймы и многочисленные сеймики, на которых кулаками решаются междоусобные распри, большая часть дворян считает полезной тренировкой, подготовкой к настоящей войне. Страна погрязла в безумной, азиатской роскоши, сам король Август «страстью к чувственным наслаждениям довёл до конца порчу нравов». «В наше время, – пишет Ф. Булгарин, – едва ли можно поверить, чтоб такой образ правления, как был в прежней Польше, мог существовать между образованными народами! <...> Только система политического равновесия, утверждённая в Европе Вестфальским миром, сохраняла её слабое политическое существование» [2, с. 39, 52].

Уже в своём первом романе «Дмитрий Самозванец» Ф. Булгарин поднял проблему иезуитского вмешательства в европейскую политику. В «Мазепе» эта проблема тоже затронута. Как отмечает Н. Н. Львова, писатель считал, что иезуитизм, расцветший в Польше, парализовал живые силы страны, которая перестала развиваться естественным путём, скованная латинской формулой [5]. С горькой иронией беллетрист констатирует: «...В Польше всё можно сделать посредством женщин, ксендзов и денег, и даже самые деньги приобретаются там посредством тех же женщин и ксендзов» [2, с. 40].

Приём контрастного сопоставления российских и польских реалий достигает апогея в сравнительной характеристике монархов, которая вложена в уста Мазепы, честолюбивого злодея, но прозорливого политика. Уже вынашивая в мыслях план измены Петру, которому служил двадцать лет, гетман не может не признать его железной воли, всей полноты власти, которая сосредоточена в монарших руках. Царь обрил москалям бороды и уничтожил власть патриарха, дети русских бояр по его повелению безропотно служат под началом иностранцев и простолюдинов с дарованиями, которых он возвысил без оглядки на происхождение, родство и связи. «С царём московским иметь дело не то, что с польскими королями, которые после каждого казацкого бунта давали нам новые привилегии, подарки и обременяли нас ласками <...> У московского царя чуть пикни, так и прощай голова!» [2, с. 55]. Эта характеристика тем убедительнее, что ей вторит полковник Семён Палей, вождь казацкой вольницы польского Заднепровья, не подчинившийся власти гетмана, его полная противоположность. «Русский царь не то, что король польский! <...> Русский царь не переговаривается и не переписывается со своими подданными, но повелевает, а повелений его должно слушаться беспрекословно и безусловно!» [2, с. 56].

Таким образом, поляки сами, не отдавая себе отчёта в происходящем в стране, готовят крах собственной государственности, утрату национальной независимости. Романист подчёркивает, что Пётр «зная народный русский характер, не опасается наущений иноплеменников», он уверенно строит новую

европейскую державу. Его сильная единоличная власть – залог успеха многочисленных реформ, именно такой монарх способен собрать в едином государстве все славянские земли и народы в ситуации, когда «...каждое славянское племя почитает себя лучше другого и имеет бранные слова для своих соседей...» [2, с. 39].

Ф. В. Булгарин, явно в духе пушкинских «Стансов» подводит к подтекстовым параллелям между историей и современностью, между Петром I и Николаем I. Открытые же декларации в пользу общеславянского единения вокруг Москвы связаны с художественным изображением событий на Украине.

Ещё раз подчеркнём, что образ главного героя романа гетмана Мазепы изображён в традициях воссоздания мелодраматических злодеев, однако это опытный, прозорливый политик. Он предвидит грядущее уничтожение привилегий малороссийских гетманов, и уничтожение самого института казачества в его традиционном понимании: «Если Пётр останется победителем в сей войне, то он вознесёт Россию на высочайшую степень могущества, и тогда Малороссия исчезнет, как песчинка в степи» [2, с. 9]. Оценка Мазепой сложившейся на Украине, в России и на арене общеевропейской политики ситуации предельно точна и объективна, именно эта ситуация неизбежно вынудит Петра к решительному наступлению на казацкие вольности: «Малороссия и Украина, оставаясь при своих правах и привилегиях, составляет почти независимое владение внутри самой России, и тем опаснее для неё, что она примыкает к двум враждебным ей народам, полякам и татарам. На основании наших привилегий царь не может даже содержать своего войска в нашей земле, ниже строить крепостей. Власть гетмана, по силе привилегий, почти независима от государевой! Такой порядок не может существовать, если Россия будет устроена по образцу просвещённых европейских государств. Все единоверцы и все соплеменники должны слиться с Россиею, как ручьи с разлившимся океаном, а все противники России должны погибнуть, если не успеют удержать в берегах сие море» [2, с. 35]. Интересно, что Мазепа, обуреваемый честолюбием и гордыней, в глубине души понимает мотивы, которые заставят московского царя уничтожить гетманщину: «Если б я был на месте Петра, я также не согласился бы, ни за какие выгоды, иметь в своих владениях отдельную военную полуреспублику, которая гораздо более может вредить государству, нежели приносить пользы» [2, с. 4].

О трагическом характере складывающейся на Украине политической ситуации свидетельствует отсутствие единства в среде казаков. Как отмечает историк И. Курукин, Ф. Булгарин «сумел правдиво и живописно воспроизвести буйства "козаччины" на польском Правобережье и интриги казацкой старшины» [4]. Помимо гетмана Мазепы реальной властью на Украине обладают кошевой атаман Сечи Запорожской Гордиенко, гетман Польской Украины Самусь, человек простой, храбрый, но недалёковидный, Хвастовский полковник Семён Палей, который отложился от Мазепы, завладел целым Заднепровьем Польским и сидит царьком в Белой Церкви, неукоснительно

выполняя приказы непосредственно из Москвы. Черниговский полковник Павел Леонтьевич Полуботок готов любой ценой сохранить права Малороссии, «которые он считал столь же священными, как саму веру», но неспособен к предательству, в котором подозревает Мазепу. Его поддерживают полковники – Стародубский – Иван Скоропадский, Нежинский – Лукьян Жураковский и Миргородский – Даниил Апостол.

В самый решительный момент силы казачества разделились примерно поровну – половина ушла с Мазепой навстречу шведам, другая – во главе с Полуботком, соединилась с русской армией царя Петра. Однако такое опасное равновесие было недолгим – в финале романа Мазепа одинок, он окружён лишь немногими ближайшими своими соратниками, которые тоже сомневаются в правильности пути, по которому пошли. «Ужасна смерть изменника и клятвопреступника!», – заканчивает своё повествование Ф. В. Булгарин. Решающий выбор в пользу верности Москве сделал полковник Полуботок. Выступая перед казаками, он привёл в пример печальную судьбу Молдавии и Валахии: «Не дай Бог такой независимости, как независимость этих несчастных стран, сжатых между сильными и хищными соседями и обязанных непрерывно то биться с ними, то служить им, то откупаться от беды! Мы народ русской крови и русской веры и наше счастье в соединении с Россией!» [2, с. 93]. В этих словах – выражение авторской позиции Ф. В. Булгарина в напряжённых общественных спорах его времени об исторических судьбах и перспективах славянства.

Литература

1. Акимова Н. Н. Ф. В. Булгарин в литературном контексте первой половины XIX века : автореф. дис. на соискание учёной степени доктора филол. наук: спец. 10. 01. 01 «Русская литература» / Н. Н. Акимова. – Санкт-Петербург, 2003. – 42с.
2. Булгарин Ф. В. Мазепа / Ф.В. Булгарин. Сочинения. – М.: Современник, 1990. [Электронный ресурс]. Режим доступа: rusbook.com.ua/russian_classic/bulgarin_fw/mazepa.2664
3. Жаринов Е. В. Романтическая беллетристика в России. Исторический роман и повесть / Е. В. Жаринов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.samopiska.ru/main_dsp.php
4. Курукин И. Гетман Мазепа – портреты в разной технике (из цикла «Минное поле украинской истории» / И. Курукин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.bigyalta.com.ua/story/2287
5. Львова Н. Н. Каприз Мнемозины. Вступительная статья / Н. Н. Львова // Булгарин Ф. В. Сочинения. – М.: Современник, 1990. [Электронный ресурс]. Режим доступа: az.lib/b/bulgarin_fw/text_0010/shtml
6. Пушкин А. С. Клеветникам России / А. С. Пушкин // Собр.соч.: в 3-х т. – М.: ГИХЛ, 1957. – Т. 1. – С. 306-307.

7. Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: автореф. дис. на соискание учёной степени доктора филол. наук: спец. 10. 01. 01 «Русская литература» / А. Ю. Сорочан. – Тверь, 2008. – 35с.

Анотація

У статті представлено досвід прочитання й аналізу роману в широкому суспільно-історичному контексті для реконструкції авторської трактовки проблеми історичної долі слов'янства. Автор відтворює минуле у рамках художньої моделі «історія як тенденція», звернувшись до епохи трагічного протистояння російського, українського і польського народів, він відстоює ідею всеслов'янської єдності під владою російського монарха. У творі виявлено підтекстові паралелі між історією й сучасністю.

Ключові слова: авторський задум, історичний роман, проблематика, тенденція, художній образ.

Аннотация

В статье представлен опыт прочтения и анализа романа в широком общественно-историческом контексте для реконструкции авторской трактовки проблемы исторических судеб славянства. Автор воссоздаёт прошлое в рамках художественной модели «история как тенденция», обращаясь к эпохе трагического противостояния русского, украинского и польского народов, он отстаивает идею всеславянского единства под властью русского монарха. В произведении выявлены подтекстовые параллели между историей и современностью.

Ключевые слова: авторский замысел, исторический роман, проблематика, тенденция, художественный образ.

Summary

The memoir presents the experience of reading and analysis of the novel in a broad social and historical context for the reconstruction of the author's interpretation of the problem of the historic fate of the Slavs. The author reproduces the past as a part of the "history as a trend" model, referring to the era of the tragic confrontation of the Russian, the Ukrainian and the Polish. He defends the idea of the Slavic unity under the power of the monarch. The work reveals subtext parallels between history and the modern world.

Key words: the author's message, historical novel, subject matter, trend, character.